

РОССИЙСКИЙ КОЛОКОЛ

ЖУРНАЛ

№ 1-2
2020

МОСКОВСКАЯ ГОРОДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Коллектив авторов
Российский колокол №1-2 2020
Серия «Журнал «Российский
колокол» 2020», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56169708
Журнал «Российский колокол» № 1–2 (26) 2020 г.: Московская
городская организация Союза писателей; Москва; 2020
ISBN 978-5-907350-00-7

Аннотация

В каждом номере мы знакомим читателей с яркими и талантливыми писателями и поэтами, публикуем новые творения уже именитых литераторов современности.

С первых страниц задаём громкий и мощный аккорд: выпуск открывает культовая личность – Роман Сенчин. И удерживаем эту планку на высоком уровне на протяжении всего выпуска.

Он получился богатым на прозаические и поэтические произведения. Авторский состав «Российского колокола» (выпуск 1–2) – блестящий и творчески одарённый. У многих из них за плечами опыт издания собственных книг, сотрудничество с крупными издательствами, неоднократные публикации в России и за рубежом. Есть в нём и работы писателей, которые ещё не имеют «багажа» из напечатанных

книг и многочисленных публикаций в ведущих литературных изданиях. Их произведения вы вряд ли найдёте в Интернете... Но эти личности достойны пристального внимания и читательского интереса. Ведь «Российский колокол» диктует моду в мире современной литературы. Мы помогаем писателям раскрыть талант и заявить о себе, завоевать интерес у читателей и закрепиться в литературных кругах.

Приятного чтения.

Содержание

Слово редактора	6
Современная проза	9
Роман Сенчин	10
Очнулся	12
Разиля Хуснулина	25
Бабушкин сундук	26
Интервью	34
Александр Гриценко	35
«Мне было плевать на советскую власть, пока она не трогала меня»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Журнал «Российский колокол» № 1–2 (26) 2020 г

Ежеквартальный журнал художественной литературы
Издается с 2004 года

Редакция не рецензирует присланные работы и не вступает в переписку с авторами.

Слово редактора

Анастасия Лямина

Член Интернационального Союза писателей, журналист, публицист

Богатое литературное наследие

В каждом номере мы знакомим читателей с яркими и талантливыми писателями и поэтами, публикуем новые творения уже именитых литераторов современности.

С первых страниц задаём громкий и мощный аккорд: выпуск открывает культовая личность – Роман Сенчин. И удерживаем эту планку на высоком уровне на протяжении всего выпуска.

Он получился богатым на прозаические и поэтические произведения. Авторский состав «Российского колокола» (выпуск 1–2) – блестящий и творчески одарённый. У многих из них за плечами опыт издания собственных книг, сотрудничество с крупными издательствами, неоднократные публикации в России и за рубежом. Есть в нём и работы писателей, которые ещё не имеют «багажа» из напечатанных книг и многочисленных публикаций в ведущих литературных изданиях. Их произведения вы вряд ли найдёте в Интернете... Но эти личности достойны пристального внимания и читательского интереса. Ведь «Российский колокол» диктует моду в мире современной литературы. Мы помогаем писателям раскрыть талант и заявить о себе, завоевать интерес

у читателей и закрепиться в литературных кругах.

Приятного чтения.

Современная проза

Современная проза

Роман Сенчин

Роман Сенчин родился в 1971 году в городе Кызыле. С 1993 по 1996 год жил в Красноярском крае. Первые публикации появились в газетах и журналах Минусинска, Кызыла и Абакана. В 1996 году поступил в Литературный институт имени Горького, который окончил в 2001-м. В 2001–2003 годах был соведущим творческого семинара в Литинституте.

Публиковался в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Наш современник», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Урал», «Огни Кузбасса», «День и ночь», «Енисей» и других изданиях.

С 2003 по 2014 год работал в еженедельнике «Литературная Россия».

Автор нескольких книг прозы, публицистики и литературной критики, в том числе «Минус», «Рассыпанная мозаика», «Московские тени», «Елтышевы», «Иджим», «На чёрной лестнице», «Тува», «Чего вы хотите?», «Зона затопления», «Конгревова ракета», «Срыв», «Всё личное», «Дождь в Париже».

Лауреат премий еженедельника «Литературная Россия» (1997), журналов «Кольцо А» (2000), «Знамя» (2001), «Урал» (2010), Горьковской литературной премии (2011), премии Правительства Российской Федерации (2012), «Ясная Поляна» (2014), «Большая книга» (2015). В настоящее время живёт в Екатеринбурге.

Очнулся

Каждый год, обычно в июле, Свирина приезжал к родителям в деревню. Сначала студентом, потом с молодой женой, потом с женой и дочками, а теперь один – дочка выросла, с женой развёлся.

Свирина и его родители не были деревенскими по рождению. Когда-то жили в большом городе – столице одной из союзных республик в Средней Азии. Но начались межнациональные конфликты, стало неуютно и тревожно, и они решили перебраться в Россию – тогдашнюю РСФСР. В то время взять и купить квартиру было невозможно, а меняться желающих не было, потому купили вот этот дом в сельце в Красноярском крае, бревенчатый, с двумя комнатами и кухней, пятнадцать соток земли при нём. Перевезли в контейнере вещи, выписались, сдали свою благоустроенную двушку государству.

Соседи – и прежние, и новые – недоумевали, как можно добровольно сменить большой город, хорошие должности с приличным окладом на деревенское житьё, сына Олега перевести из престижной школы в зачуханную. Но буквально через полгода Советский Союз развалился на пятнадцать отдельных стран и таких, как Свирины, переселенцев стало множество. Правда, этим было куда хуже – многие бежали, бросив жильё со всей обстановкой, селились в съём-

ных квартирах, балках и вагончиках, искали и не находили работу, которая вдруг стала главным дефицитом. По сравнению с ними Свирины выглядели крепкой и обеспеченной семьёй.

В девяносто втором сын Олег окончил школу и поступил в вуз, и не куда-нибудь, а в Уральский университет. В Свердловске. Хорошо учился, заодно стал заниматься предпринимательством. Купил квартиру, женился; по специальности не работал, но это, наверное, к лучшему – однокурсники получают копейки, а его неброский, мелкий вроде бы бизнес сытно кормил, позволял вывозить дочек на море. Но по крайней мере раз в год, обычно в июле, Олег Свирин выбирался к родителям.

Как растут овощи, он впервые увидел после переезда, здесь, в деревне. И полюбил огородничество. И, кажется, сильнее сыновьего долга навещать родителей было желание повозиться с растениями. И вот он, лысеющий, грузноватый мужик, полон грядки, подвязывал помидоры, радовался пухнувшим огурцам, боролся с муравьями, собирал садовую клубнику, которую в этих краях называли викторией.

Странно, но на своей даче под Екатеринбургом он не разбил ни одной грядки – для него существовал единственный огород: родительский... Может, какой-нибудь психолог нашёл бы у Свирина последствия потрясения из-за переезда, того тяжёлого положения, в каком оказалась их семья тогда, – наскоро засаженная земля избавила их в первую зиму

от голода. Картошка бывала на столе по три раза в день – варёная, жареная, пюре. К ней добавлялись или изредка её заменяли солёные огурцы, лобио из фасоли, гороховая каша, маринованные кабачки, салат из морковки.

И вот теперь, словно перелётную птицу в определённый срок, Свирина тянуло на огород, тот, родительский, чтобы хоть не всерьёз уже, а так, почти ритуально поучаствовать в выращивании всех этих продуктов. К июлю эта тяга становилась непереносимой, и он приезжал.

Полон, подвязывал, поливал, рыхлил с удовольствием. Хотя и понимал, что это удовольствие недолгое – к концу месяца лезущие и лезущие сорняки приведут в отчаяние, обрастающие всё новыми пасынками и лишними листьями помидоры будут раздражать, вид виктории станет вызывать тошноту, комарьё, слепни и оводы издёргают нервы; Свирин почувствует, что надо уезжать, и купит билет...

Этот приезд начался как обычно – в общем-то, как двадцать четыре предыдущих. Свирин занял времянку, потом посидели за празднично накрытым столом, и, слегка захмелевший, переодевшись в сохраняемые мамой треники с тремя полосками на штанинах, футболку с гербом «Мальборо», старые, но надёжные кроссовки, когда-то синюю, а теперь выцветшую до серости бейсболку, он отправился на огород.

Вспомнил, как года четыре назад попал сюда в начале апреля. Отца положили в больницу, и он приехал поддержать его, помочь по хозяйству маме.

Огород лежал тогда пустой, тёмный, слабый. Длинные прямоугольники грядок, бугор не раскиданного с прошлого года парника, каркас не обтянутой пока полиэтиленом теплицы. Вдоль заборов сухие будылья крапивы, единственная зелень – молодые перья лука-батунна да дяляна виктории.

Казалось, все сорняки изничтожены в прошлом году, не успев дать семена, все корни выюна, пырея, осота вынуты из земли и теперь здесь будут только культурные, посаженные людьми растения. А приехал через три месяца и увидел, что сорняки никуда не делись – душат культурное, сосут из земли соки.

Начал с самого лёгкого – с чесночных гряд. Драл, драл лебеду, свекольник, выюн, мокрец, пастушью сумку, одуванчик, ещё что-то, название чего не знал, получая странное, почти звериное наслаждение.

За ограду в свои приезды Свиpин выходил редко. Разве что к колодцу, в бор посмотреть грибы, к хлебовозке. За продуктами ездил в райцентровский городок на автобусе.

Родители рассказывали новости их маленькой – из одиннадцати дворов – улицы. Кто умер, кто уехал, а кто поселился, но Свиpину было не очень-то интересно: он не успел понастоящему познакомиться с местными после переезда, даже имена и фамилии учителей и одноклассников не запомнил – тот год в школе стёрся из памяти, наверное, от ужаса перед новой и необычной жизнью, – а приезжая позже, он ни с кем не сближался, никого не выделял – с равной вежли-

востью и равным равнодушием здоровался со старушками, мужчинами, девушками.

Его интересовал только огород. Причём, сам тому удивляясь, он хотел, чтоб всё в нём оставалось как было. Чтоб помидоры росли на одном и том же месте, и арбузы, и редиска с морковкой, и фасоль, и чеснок, и капуста. Он досадовал, что кус возделанной земли из года в год съёживается – полосы сорной травы вдоль ограды становятся шире и шире. Но сам расширить этот кус за месяц пребывания здесь не успевал.

Когда родители вместо самодельной теплицы, которую нужно было каждый год обтягивать плёнкой, купили поли-карбонатную, надёжную, на много лет, Свирин почувствовал что-то вроде раздражения, будто у него отняли важное. Так же было и с насосом «Камой» – тяжёлым, плохо закачивающим воду из пруда, – который родители сменили на лёгкий и мощный «Малыш». И даже с проволочками на месте соединения шлангов – на их месте появились удобные, но какие-то чужие ему хомуты.

Другими делами Свирин почти не занимался. Перебрал, правда, два раза забор, положил несколько шиферин на месте лопнувших, сколотил новый деревянный тротуарчик во дворе, чтоб в дом грязь не таскалась. Но всё это так, по необходимости, без удовольствия.

В этот приезд возникла очередная необходимость отвлечься от огорода.

На третий или четвёртый день, вставив во времянке за-

рядное устройство в розетку, Свирина заметил, что телефон не осветился благодарно. Щёлкнул выключателем – лампочка не зажигалась.

Электричество в деревне отключали частенько, поэтому он не затревожился. Но когда вошёл в избу, увидел: свет там есть, плитка работает.

– О, а у меня не фурычит!

Не фурычило, как оказалось, и в бане, под навесом с инструментами.

Свирин отсоединил провод, протянутый от избы к этим строениям, стал осматривать замотанные изолентой соединения, розетки. Провод оказался ломкий, с крошащейся и осыпающейся изоляцией.

– Надо менять, – сообщил Свирин родителям и увидел в глазах отца растерянность. А мама засуетилась:

– Может, этот как-нибудь ещё подюжит? И у нас тут собрано...

Быстро достала из чулана мешок с мотками проводов. Но все они были старые или неподходящие.

– Это телеграфный, а это вообще для антенны.

– Что же делать-то. – Мама вдруг стала жалкой и крошечной.

– Да ничего, – стыдясь её такой, резковато сказал Свирин, – завтра съезжу в город и куплю метров тридцать.

– И звать ведь нужно кого-то, чтоб сделали.

– Я сам справлюсь.

Мама посмотрела на него с недоверием. Но не спросила, сможет ли. Спросила другое:

– А сегодня как, без света будешь?

– Побуду без света.

– А поливать? Если не получится, то поливать-то как. Завтра обязательно надо полить.

Свирин стал злиться. Не на маму, скорее, а на этот довольно длинный и бестолковый диалог. Произнёс веско, как на переговорах по бизнесу:

– Всё получится.

Занёс мешок с проводами обратно в чулан и пошёл пасынковать помидоры.

Когда что-нибудь не клеилось или с родителями возникала напряжённость, он пасынковал помидоры – в такие моменты не чувствовал жалости и обрывал всё лишнее почти до верхушки. И помидоры после этого плодоносили особенно щедро.

Но маму тон Свирина не убедил – она привела соседа. Мужчину лет тридцати пяти. Правда, мужчиной его назвать было сложно – до сих пор парень. Худой, шебутной, какой-то раздёрганный.

Свирин не помнил, как его зовут, раза три-четыре здоровался при встрече, знал со слов мамы, что он с женой и детьми купил не так давно дом умерших стариков Тернецких.

– Здоров! – перепрыгивая через грядки, тянул он правую

руку, а в левой держал короткий моток провода, желтоватого от старости. – Погнали, наладим!

Парень был датый. Глаза на молодом ещё лице мутные, как бельма. И Свирина сжало неожиданное и сильное бешенство. Не такое, когда хочется орать и метаться, а приводящее в оторопь.

– Чего? По-быстрому сделаем.

– Я сам, – сказал Свирин так, что парень отшатнулся.

Свирин нашёл взглядом маму, мнущуюся возле калитки в огород.

– Я же сказал – я сам. Тем более... – слова выдавливались из горла с трудом, – что это за огрызок? Это вообще для настольной лампы. Электричество – не шутка. И в пьяном виде лезть.

Теперь и парень ощетинился:

– А ты чего злой такой?

– Я не злой. Я – занят. До свидания.

– Ну до свидания. – И, пожимая тощими плечами, он ушёл.

Минут через десять подошла мама:

– Сынок, извини. Они говорили, им должны провода во всём доме менять как многодетным, и я думала, может, осталось что. Увидела, что он выпивший, пожалела, что сунулась, а он: пойдём, сделаем... Извини, ладно? И отцу не говори только.

– Не надо меня позорить, – сухо ответил Свирин, ошпы-

вая очередной помидор.

– Да я не позорю.

– Мама, я взрослый человек, мне сорок четыре года. Я сам знаю, что делать. И как.

– Но ведь как без света-то? Поливать надо завтра.

– Сделаю проводку, и вечером польём.

Мама постояла, потом спросила осторожно:

– Может, в избе переночуешь?

– Не волнуйся, всё нормально, – с расстановкой, отчётливо ставя после каждого слова точки, сказал Свирина.

Лёг в темноте, поставил будильник в телефоне – зарядил днём на кухне – на семь утра.

В восемь сел в автобус. В девять был в райцентре, купил на рынке тридцать метров провода, новые пассатижи, отвёртку с набором бит, розеток, выключателей, патронов, пяток малосольных хариусов в рыбном ряду. Съел порцию вкусного бигуса в столовой при автовокзале, подремал на сиденье рядом с настоящими сельскими жителями. В час дня сел в автобус, а в два был у родителей.

Пообедали, Свирина взялся за работу. На самом деле очень боялся, что не сможет, запутается. Особенно – когда менял розетки и выключатели. У себя дома он, если что, вызывал электрика. Но – получилось. Приложил алюминиевые стерженьки нового провода к гнезду под потолком в сенях, увидел искорки контакта. Прикрутил, проверил розетки и выключатели. Работало.

– Ну вот, – сказал родителям, – можно поливать.

В маминых глазах увидел удивление и благодарность. Вроде того что – сынок-то наш вырос... Свирин усмехнулся.

Полили огород хорошо, обильно. Ночь обещала быть тёплой, в такую подпитанные влагой растения прут как на дрожжах.

Пока Свирин с отцом перекуривали, выкладывали шланги для нового полива, убрали вилы, лопаты, грабли, закрыли теплицу, умывались под ручкомойником во дворе, мама позвала ужинать.

Свирин обычно почти не выпивал, но сегодня, чувствуя особое удовлетворение от прожитого дня, проглотил одну за другой две стопки. Закусывал харюсками.

– Попозже, – приподнимал руку, когда мама порывалась положить ему в тарелку тефтелей, – не хочу разрушать вкус рыбы. Очень вкусная.

Отец в несколько мелких глотков осушил свою стопку, наполненную Свириным далеко не доверху, ел мало, медленно, как-то через силу.

Залаяла Чича. Вообще она лаяла очень часто, при виде Свириных начинала прыгать и скулить, а когда во двор заходили чужие – хрипела, рвалась с цепи. Часто рычала на свою пустую миску и гоняла её вокруг будки. Два года назад брали просто собачку-звонок от низкорослой дворняги, а выросла настоящая лайка.

– Кто-то к нам, – прислушавшись к тембру лая, сказала

мама и стала подниматься; ходила она хоть и грузно, но довольно быстро, а вот поднималась и делала первые шаги тяжело, словно суставы за время сидения отвыкали двигаться, сгибаться и разгибаться.

– Давай я гляну.

Свирин по-молодому вскочил, быстро прошёл сквозь сени на двор, через него – к воротам. Открыл калитку.

– Неси сдачу! – ликующе-высокомерно объявил ему голый по пояс парень.

Сперва Свирину показалось, что это тот же самый, что приходил вчера, правда, успевший остричься почти налысо. И лицо похоже, и голос, а вернее, манера говорить. Глаза мутные, без зрачков.

– В каком смысле – неси сдачу? – строго спросил Свирин.

– Деньги принёс – неси сдачу.

– А если нет сдачи?

– П-фу-у! – парень фыркнул. – У вас-то и нет сдачи?

– Молодой человек, что это за интонация вообще?..

Свирину хотелось многое сказать ему, но подошла мама.

– А, Саша, здравствуй. Что такое? – начала приветливо, заискивающе даже.

– Деньги принёс, тётъ Галь, сдачу надо.

– Сейчас, сейчас. Со скольких сдачу?..

– Мама, что происходит? – Свирин был поражён. – Это он у тебя занимал или ты у него?

– Олег, иди в дом.

Она сказала это так категорично, как раньше, когда Сви-рин-ребёнок в чём-нибудь провинялся. И он послушно ушёл.

Мама вернулась минут через пять, села за стол. К Свирина уже вернулась его взрослость, и он повторил:

– Как это понимать? Кто это вообще?

– Вали Тяповой муж. Деньги вернул.

– У неё, кажется, другой был...

– Петрунин? Он сбежал. А Саша – хороший.

– Да уж! Я бы ему ответил на его «неси сдачу». Ну вот прямо взял и побежал за сдачей. Даже ведь не поздоровался!

– А что ты от них хочешь, сынок? – как-то одновременно и жалостливо, и с упрёком спросила мама. – Откуда им культуры набираться? Беляков, которого ты вчера так, прямо скажу, послал, на вахтах по месяцу, и здесь хозяйство, трое детей. У Саши этого родители алкоголики, он и до девятого класса не доучился. скотником. Он рад-радёше-нек, что долг принёс, горд за себя, поэтому и ведёт так. Я, – мама с усилием и со всхлипом, что ли, выдохнула, – я вчера перед Беляковым сколько времени извинялась.

Свирин вытаращил глаза:

– За что?

– За твоё поведение. Да. Нельзя так с людьми. Он ведь обиделся.

– Что пьяный прибежал электричеством заниматься?

– Ну ведь он же помочь хотел, искренне. А ты его. Он нам

сколько раз помогал. – Мама оглянулась на отца и дёрнула головой, как бы призывая его согласиться, и отец кивнул. – И Саша тоже. Что случится – мы к ним. И они ни разу не отказали. Коровы на задах городьбу опрокинули той весной – Саша на горбу два бревна принёс, сам вкопал. Воду не могли закачать – Беляков пришёл, закачал, мостки наладил. Культуры нет, а душа есть. Ты вот, сынок, приехал и уехал, а мы здесь, с ними, каждый божий день. И, кроме как к ним, обратиться не к кому. А мы будем их посылать.

Свирин всмотрелся в маму, в отца, перенёсшего несколько лет назад инсульт, и будто очнулся от долгого сна. Увидел, что это старые, обессиленные и беззащитные люди.

Продолжавшийся четверть века период его поездок, чтоб с удовольствием покопаться на огороде, закончился.

Разиля Хуснулина

Разиля Рафинатовна Хуснулина, 1961 г. р., доктор филологических наук (Москва), доктор философии (США), член-корреспондент Международной педагогической академии, профессор, переводчик, писатель.

Окончила УдГУ (Ижевск, 1983), факультет романо-германской филологии, имеет квалификацию «преподаватель английского языка, филолог, переводчик». Обучалась в аспирантуре Института мировой литературы АН СССР (Москва, 1985–1988 гг.), защитила кандидатскую диссертацию по ирландской литературе. Окончила две очные докторантуры и защитила докторские диссертации: одну, по философии, в университете Тихоокеанского побережья США (1997–1998 гг.), другую, по английской литературе, в Москве, в ИМЛИ РАН (2002–2004 гг.).

Автор более 150 публикаций, из них шесть монографий, 12 учебных пособий, более полусотни статей в журналах, рекомендованных ВАК. Её монография «Ф. М. Достоевский и английский роман XX века» (2005, повт. изд. 2012) получила широкое признание в России и за рубежом; её высоко оценила королева Великобритании Елизавета II, признавшись в личном письме к Р. Р. Хуснулиной в 2006 году, что разделяет многие убеждения автора.

Профессиональный переводчик, Р. Р. Хуснулина переве-

ла с английского языка романы Сомерсета Моэма «Наверху, в вилле» (1997, повт. изд. 2011) и Билла Хопкинса «Предсказание и последствие» (1997, повт. изд. 2007, 2015).

Автор сборников рассказов «Душа» (2000), «Мой изменившийся мир» (2007).

За монографию «Ф. М. Достоевский и английский роман XX века» и серию публикаций в журналах «Иностранная литература», «Литературное обозрение» решением ИНИОН включена в энциклопедию лучших литературоведов России «Кто есть кто в литературном мире» (2011). Член редколлегии журнала перечня ВАК «Казанская наука».

В настоящее время работает профессором Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова.

Бабушкин сундук

Я любила приезжать в её светлый, просторный дом. Мне нравились его простое убранство и цветы. Сколько же их было в несметных горшках повсюду: на подоконнике, на полке возле телевизора, на полу. Среди них – величественная глоксиния, фонарями горящая роза, хрупкая герань. Названий многих из них я уже не помню. Вспыхивая то тут, то там красно-белыми пятнами, эти цветы удивительно вязались с ней и были её единственной прихотью. Сама она – невысокого роста, голубоглазая, с длинными светло-каштановыми волосами, которых не коснулась седина, с двумя

глубокими складками на щеках, спускавшимися к уголкам рта, – казалась редкостным цветком, собирательным экземпляром своей коллекции. Её внешность располагала, а имя Галя, корень которого восходит к французскому «праздник», очень точно отражало суть её притяжения окружающими. Встреча с ней была праздником. Глаза её смеялись, и она никогда не казалась скучающей. Внешность, вкусы, репутация ставили бабушку в центр внимания, и только узость общения, вызванная удалённостью деревушки от других населённых пунктов, затемняла её лоск.

В доме, залитом мягким светом и обрамлённом цветным великолепием, успокаивающе пахло зеленым, и я с лёгкостью отвлекалась в нём от утомительных размышлений, занимавших меня в городе, обретала душевное равновесие. С лёгкостью вырисовывались и перспектива, и прозрение. Эти цветы, старое зеркало на стене, шифоньер с платьями прабабушки, сундук и тишина, ставшая приметой её дома. Запах свежести и лета. И я словно вижу саму душу моей бабушки.

Прелестное создание – её душа. Время отнимает дорогих ей людей, а она остаётся доброй, нежной. Настоящей. И верной. От покорности и терпения, жалких радостей, которыми она довольствовалась, комок подступает к горлу и на глаза наворачиваются слёзы.

С годами мне стало казаться, будто я знаю, что в душе бабушки было сокрыто. Разглядывая фотографии, я вижу её совсем молоденькой, в ситцевом платице и думаю, ка-

кой она была красивой, как гордилась её умениями мать, как счастлив был с нею дедушка в полувековом союзе, подарившем им троих сыновей. Повинуясь тяге к неизвестности, которая всегда снедала бабушку, она сбрасывала на время бремя деревенских забот и уезжала к своим немногочисленным родственникам. Они всегда ждали её. Она была наделена располагающей общительностью, любила смеяться и смешить. И им нравились её смех и грусть. Сознание этого не утолило разочарования бабушки, и при каждой новой встрече с ними она оживлялась, словно они ещё не знали о её несбывшихся надеждах, и, когда заканчивался уже седьмой десяток, она по-прежнему расточала своё обаяние, готовая начать всё сначала. Дом, родственники, соседи были для неё образом самой жизни. А её символом стал сундук, вместивший их многолетние подношения. Среди них – платки, ткани, серебряные монеты и украшения, связанные и вышитые ею же самой изделия, достойные занять место в музее этнографии. Это было единственное, чем она не делилась, когда была жива. Бережливая от природы и по необходимости расчётливая, она придавала этим вещам значение, равное памяти тех, кто их дарил. Они стали самым дорогим её достоянием, когда внезапно скончались старшие сыновья и муж.

Сидя за чаем и разговаривая, я порой неожиданно получала приглашение осмотреть содержимое сундука. С годами это уже вошло у нас в привычку, хотя мы обе досконально знали его. Тихонько напевая что-то себе под нос, бабуш-

ка подходила к сундуку и неторопливо доставала одну вещь за другой. Перед ней словно проходила вся её жизнь. И это ощущение усиливалось, когда она натыкалась на что-то особенно дорогое. Музыка в душе стихала, а приятное возбуждение спадало. Бабушку, видимо, охватывала тоска по отчужденному дому, расположенному в нескольких десятках километров от собственного, в котором теперь живёт семья её покойного брата. В это время года там созревали вишни на кустарниках, посаженных им, и их сладкий аромат заполнял весь сад и двор. Каких только плодовых деревьев и кустарников не насадила бабушка рядом со своим домом: яблони, груши, черёмуху, иргу, целые полосы смородины и малины! Но дорога ей была именно вишня из родового дома. Слезы наполняли её глаза, и она утирала лицо маленьким платочком, комкая его в руке. Обратив ко мне голубые глаза, она неуверенно спрашивала: «Не съездить ли туда дня на два-три?» Повторяла этот вопрос из года в год, чтобы унять боль, сделать сносным смятение. Я пожимала ей руку и чувствовала ответное движение её пальцев.

Взгляд бабушки падал на кружевной воротник, связанный для неё матерью. Она осторожно брала его в руки и улыбалась. Её лицо светилось при виде красивого изделия, олицетворявшего молодость. Сколько радостных воспоминаний пробуждал в ней этот ажурный воротничок! Разве лучшее в жизни досталось не ей? Что же такое счастье, если не сочетание красоты и любви, придающей всему, что окружает че-

ловека: людям, вещам, – повышенную ценность?

И снова ощущение чего-то пережитого в прошлом перехватило её горло. В её руках вышитое полотенце. Что это? Забытый сон или грёзы? Бабушка провела рукой по глади, и его вид встряхнул её память, и она вспомнила... что? Ей шёл двадцать первый год, когда она приехала к дедушке. На ней было платье ниже колен, на длинные волосы наброшен платок, подобранный в тон атласным лентам, свисавшим с её кос. Она была прямодушна и доверчива. И это понравилось свекрови, и они легко сблизились. Обаятельная семья. Приятно вспомнить её через столько лет! Первые недели, которые она прожила там, были настоящей идиллией. Она припомнила – удивительно, как такая мелочь осталась в памяти, – эпизод у ключа, когда местные девушки на выданье собрались возле него и ждали её появления, надеясь разглядеть поближе. Очаровательные были девушки, простые. Теперь нет той свежести души, какая была у них.

Она говорила, а у меня перед глазами вставали поросший осокой луг, два тополя, переживших не одно поколение селян, и ключ у их основания, в своём обилии и журчании ни с чем не сравнимый символ прелести деревушки. И вдруг на меня словно пахнуло его свежестью – и я порадовалась, что у меня есть «опора», куда более исконно непреходящее, чем городские улицы.

То ли инстинкт, то ли застенчивость заставляли меня молчать. Я слушала бабушку, и у меня дух захватывало от оче-

редных свежих подробностей, которыми она снабжала уже знакомые мне истории. Как будто идёшь в неизвестное: мы очень близки, и в то же время я так мало знаю о ней.

Доставая из сундука одну вещицу за другой, она рассказывала мне о своих родителях: об отце, не вернувшемся с финской войны, рано овдовевшей матери, о сестре и брате, их взрослом детстве; и удивительно было, как много эти вещи вобрали в себя. Кружева украшали девичьи платья, скатерть вышита в год переезда к бабушке, крошечные валенки сваляны другом семьи для внука, моего брата, красивый белый платок подарен средним сыном после долгой разлуки, а другой, с жёлтым рисунком, – шурином к её очередному юбилею. Вспоминая их, она листала хронику жизни, перебирая годы радостей и горестей, словно видела лики времени, переступившие через порог приоткрытой памяти.

Платья моей прабабушки. Как миловидно, благородно и женственно выглядели они! Запустив руку в их воздушную мягкость, она осторожно вынимала одно из них, зелёное, и, собрав воедино, словно лёгкие летние волны, его многочисленные складки, бережно подносила к окну, сливаясь с ним в едином сверкающем образе былого счастья. Она гордилась трудами рук своей матери. Такие наряды мог создать лишь человек, который постиг Душу платья, – настолько они воплощали сущность того, что можно надеть на женское тело.

Как-то раз, взяв в руки одну из батистовых блузок, сшитых прабабушкой для своей юной дочери, в то время моей

ровесницы, я засмотрелась на неё, и сердобольная бабушка поняла меня буквально. Признаюсь, когда она предложила мне примерить её, моим первым чувством была лёгкая досада. Я смешала тогда оригинальность со старомодностью. А эта блузка, выполненная вручную и украшенная костяными пуговицами, казалась олицетворением картинки из заморского журнала. Но что мода? Это линия, силуэт. Я поняла это позднее.

И, сознав, я даже пыталась по образцу из сундука создать что-нибудь своё – не часть интерьера, а предмет гардероба. Первым плодом этих трудов стал жилет. Работа над ним была вымученной, лишённой лёгкости и воображения. И он получился похожим на машинный трикотаж, не отличающийся самобытностью. У подражательства есть изъян – оно может наскучить. С настойчивостью, присущей деревенским людям, бабушка терпеливо учила меня превращать спицы в орудие, пригодное для выражения моего настроения. С тех пор я перевязала множество вещей: подвесных украшений, скатертей, бахромы, и они стали для меня способом накопления и передачи информации от неё ко мне.

Видя бабушку праведной, полной достоинства, я спрашивала себя: помнит ли она, о чём думает наедине? Не возникало ли желания у неё, мечтательной и романтичной, воображаемое превосходство над близкими мотивировать личными склонностями? Задаваясь этим вопросом, я уже сознавала его риторичность. Как не любить ей было этих по-

рядочных, честных, достойных людей: брата – степенного и основательного, сестру – кроткую и тихую, племянников и племянниц, с которыми она легко ладила, соседей, вместе с которыми переживала участь заброшенной деревушки? Их жизнь, как и её собственная, полная незаметных жертв, была патриархальна и гармонична.

Мне не дано знать, какие тайные восторги ей привелось изведать. Догадываюсь только, что с годами их стало меньше. Мгновения радости обрели для неё сезонный характер – лишь летом дом снова наполнялся близкими ей людьми. Мы уезжали. Заслонив глаза от солнца рукой, она застывала на месте и неотрывно глядела вслед увозившему нас автобусу. Она не роптала и не требовала сочувствия, хотя бесконечно нуждалась в нём. Лишь память скрашивала серость и обыденность её жизни. Она была духом семьи, духом времени, в котором мы жили. И я любила её за эту верность памяти.

Уже нет моей бабушки, а этот дух по-прежнему поддерживает меня, как и память о сундуке, цветах и её доме. И я снова вижу, как сияет вера в её глазах, как от отчаяния на лицо ложатся тени, как она шуткой встречает горестную новость, не желая из гордости допустить, чтобы видели ужас, охвативший её душу. И, моя дорогая, я распахиваю объятья, мысленно заключаю в них тебя, прижимаю к своей груди, принимая все твои условности и причуды!

Интервью

Интервью

Александр Гриценко

Александр Гриценко

Евгений Попов

«Мне было плевать на советскую власть, пока она не трогала меня»

Евгений Попов – известный российский писатель, президент Русского ПЕН-центра. В советские времена являлся одним из главных организаторов самиздатовского альманаха «Метрополь», за что был исключён из Союза писателей СССР. В последнее время широко печатается в российских журналах, альманахах, газетах как прозаик и эссеист. Лауреат премии «Большая книга», заслуженный работник культуры РФ.

О литературном процессе настоящего и прошлого с Евгением Поповым беседовал Александр Гриценко. Сокращённая версия интервью вышла в январе 2020 года в книжном приложении к изданию «Независимая газета» – «НГЕХ LIBRIS».

– Писатели 70-80-х – насколько они отличаются от современных? Сейчас не нужно многое из того, что требовалось авторам в СССР. Вы вот, например, печатались в самиздатовских журналах, рисковали. Вас ещё в Красноярске исключили из комсомола за участие в самиздате. Сколько вам лет было?

– Шестнадцать.

– Как отличаются писатели? Какие нюансы? Тем

более вы вели семинары в Липках, семинары премии «Дебют», преподаёте в Литинституте.

– Я терпеть не могу ни политику, ни всякие партии-шмартии и всё прочее. Сейчас мы живём в другой стране. И это я вижу по студентам Литинститута, которым от 20 до 30 лет. Они какие-то вещи просто не понимают. Они неглупые и часто очень талантливые люди, но они по сравнению с той страной как иностранцы, понимаете? Они, когда пишут прозу и лезут в те времена, обязательно какой-нибудь ляп сделают. Я не просто так сравнил их с иностранцами. Я вам пример приведу. Однажды мы сидели в ресторане с Ахмадулиной. Она как раз только что написала заявление по поводу высылки Сахарова. И с нами был американский корреспондент. Эрудированнейший. Его потом выслали за что-то из СССР. И он нам вдруг говорит: «Я одного понять не могу. А почему он в суд не подаст?» Мы покатались от хохота: «Какой суд, когда его без суда выслали?!» И как-то он так смотрит... я вижу, что верит, но относится к этому как к чуду. А для нас это была обыденность. И это чувствуется в прозе всех известных писателей тех лет, вне зависимости от их умонастроения, почвенники они или либералы. Я имею в виду талантливых писателей. У них гораздо более общего, чем различного. Как гораздо более общего между Шукшиным и Аксёновым. Но это отдельная тема. Сейчас я читаю очень много рукописей молодых писателей. Я вам так скажу: пошли интересные темы, абсолютно внепартийные. Либерал автор или патриот,

меньшевик, монархист или большевик – неважно. Стали интересно писать на вечные темы. Мы живём в новом мире. Все общаются через Интернет. И это идёт на пользу писателю. Нет цензуры. Легко идёт обмен информацией. Много свободы. То, что мы хотели в советские времена, – всё сейчас есть.

– То есть Интернет – это не свалка, как говорят многие?

– Моё мнение такое: когда говорят о том, что Интернет – это бездуховность, что это мусорная свалка, я говорю: «Полная чушь!» На мой взгляд, Интернет – это спасение русской литературы. И вот почему именно русской. Потому что у нас не Франция, не Греция, не Италия. У нас огромная страна. И я, поскольку почти 20 лет веду семинары, например, в Липках у Филатова Форум молодых писателей... Так вот, когда они только начинались и приезжали десять талантливых людей со всей страны ко мне на семинар, я мог безошибочно сказать, кто из них из деревни, кто из них – столичная штучка, сейчас – нет. Я уж не говорю о том, что они все одинаково одеты: в яркий цветной китайский ширпотреб; они и читают примерно одинаковое. Такого раньше не было. А в СССР вообще, например, парень из сибирской деревни не мог поддерживать разговор о Набокове, потому что жизнь была устроена так, что за Набокова сажали. В Москве не сажали, в Москве сажали только за Солженицына и за Оруэлла. Сейчас те, кто действительно интересуется, все знают модных писателей, знают классику. В Сибирь, представляе-

те, сколько толстый журнал шёл? И пока там его прочитают. Минимум полгода пройдёт, а иногда и год, и два, а в наше время всё делается мгновенно.

– Вы затронули интересную тему, сказали, что между Аксёновым и Шукшиным было много общего. Прокомментируйте это.

– Я успел побеседовать об этом с Аксёновым, с Шукшиным я меньше разговаривал, потому что был тогда робок. У Аксёнова я спросил: «Вась, ты почему как-то так к Шукшину относишься?» – «Да ну, он деревенщина!» Я говорю: «Во-первых, он не деревенщина, потому что деревенщина – другое». И вы, и я, и Аксёнов знаем, что такое деревенщина. Это когда «разлюли-малина», портянка там, то-сё, «ох вы, закаты у Глушки». Шукшин – не деревенщина и не деревенщик. Если уж на то пошло, он не деревню описывал, а люмпенов – выходцев из деревни. Это раз. Потом я говорю: «Вась, у вас же много сходного в биографии. У Шукшина папашу шлёпнули, у тебя он сидел бессчётное количество лет». Это два. Третье, «чудики» знаменитые шукшинские. Первый «чудик» появился не у Шукшина, а у Аксёнова. Это Кирпиченко. «На полпути к Луне» – его знаменитый рассказ, как простой мужик с Севера едет в Москву, ну и так далее – вы знаете этот рассказ. Потом у Шукшина чуть позже появились «чудики».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.